

№ 20

13 ноября

5 коп.

ЗРИТЕЛЬ

ГОДЪ I.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

1905.

Вънцы смерти.

ЗАКОННИКЪ

— Митюха! А, Митюха! Ты спишь?
— Ты меня не тронь! Я лежу и думаю...
— Ишь, чѣмъ заниматься сталъ! Господское это дѣло! Не по носу оно тебѣ...

— А я все-таки думаю и думаю! И думаю я, почему такое урядникъ—ваше благородіе, попъ—ваше преподобіе, а мы съ тобой—сукны дѣти и больше никакихъ...

— По закону, братъ, такъ!

— Да ты врешь все!

— Я-то? Николи! Я всѣ законы знаю, потому какъ я въ городѣ цѣлое лѣто работалъ и на банкирскомъ домѣ крышу мазалъ...

— Хоша ты крышу и мазалъ, а насчетъ законовъ это ты врешь. Ты въ прошломъ годѣ пришелъ изъ города и пошелъ хвастать, что дескать вышелъ законъ, чтобы насъ, мужиковъ, больше пороть не смѣли, указъ такой отъ начальства произошелъ...

— Произошелъ! Вотъ те хрестъ, произошелъ...

— Одначе, тебя сейчасъ же за это и выпороли?

— Мало-бы что выпороли! Это отъ беззаконія! Это не штука—взять, портки спустить и выдрать! Это всякій можетъ! А ты вотъ попробуй, чтобы по закону...

— Да вѣдь тебя земскій начальникъ дралъ?

— Ну, земскій!

— Законный онъ али нѣтъ?

— Земскій—то? Гм... Ежели спереди, такъ законный, а ежели сзади, такъ его и не разберешь... У законныхъ людей—пуговицы свѣтлыя! Да къ тому-жъ и жалованье идетъ!

— Ну, то-то и есть! Вотъ тебѣ и законы...

— Это не важность, что меня выпороли. Скоро я ихъ самъ пороть буду...

— Что—о?

— Пороть буду я! Всѣхъ пороть: и благородій, и преподобій, и всякихъ, которые въ чинахъ!

— Ну, ты... тово... помалкивай!

— Анъ да! Слышалъ про новый законъ?

— Какой еще?

— Про государскую думу? Ну, такъ вотъ слушай! Будетъ такая дума, гдѣ насъ, мужиковъ, будутъ чаемъ подчевать...

— Ну-ну... Не завирайся!

— Увидишь! Придемъ мы въ эту думу, а тамъ это бархатные диваны кругомъ, зеркала это, небель такая пуховая! Придемъ мы въ думу, а намъ сейчасъ жалованье, ей-Богу! Самое настоящее жалованье: по десяти рублей на день...

— Эй, ты! Не завирайся!

— Слушай! Я взаправду вѣдь! Какъ день прошелъ, такъ тебѣ десять цѣлковыхъ. Получай—не хочу!

— Притвори дверь-то! Чудакъ человекъ! Услышатъ!

— Пусть услышатъ! Я взаправду! самъ читалъ! И такъ круглый годъ... А потомъ придутъ министры разные. Придутъ, отдадутъ честь. А мы имъ: „А скажите намъ, такіе—сякіе, а почему вы войну проиграли?“ А они намъ: «Пардонъ, молъ!» А по какому праву Аксиньина мужа въ солдаты забрили? а? Тотъ намъ въ ноги! Али: а почему помѣщичій скотъ черезъ мое поле ходитъ? а? А они тебѣ опять въ ноги! А потомъ чаю принесутъ, пить заставятъ! Это ужъ такой законъ! Хочешь—не хочешь,—пей и непременно въ накладку. Самъ пьешь, а самъ приговариваешь: Ахъ вы такіе-сякіе, господа министры! А почему у насъ на деревнѣ скотъ падаетъ? А почему голодъ есть? А куда наши деньги дѣваются? А почему земли у насъ мало и кормиться нечѣмъ? А почему у васъ, генераловъ, пузо отросло до самага дивана? И пойдѣмъ, и пойдѣмъ...

— Пстой! Погоди!..

— Чего ждать-то? Ты мнѣ отвѣтъ держи! А зачѣмъ вы моего брата-солдата въ народъ стрѣлять заставляете? А покажите, какой такой законъ на это? Тутъ министръ штаны спустить и молвить: „Порите, молъ, меня“...

Слушатель сорвался съ мѣста, поглядѣлъ безумными глазами на рассказчика и бросился вонъ изъ сарая:

— Карау-у-у-ль! Помогите!..

ЧУЖЬ-ЧУЖЕНИНЪ.

Магъ Витто сидитъ на урнѣ благовоиѣ въ знакъ полнѣйшей расположенности и некрениѣйшаго добра къ кому-то, держитъ чье-то многострадальное сердце пы-

лающее пламенемъ багровымъ. Кувши принадлежатъ по всемъ вѣроятіямъ, анархистамъ не жальщихъ своихъ женъ и дѣтей.

ИСКРЫ

Изъ агентскихъ телеграммъ.
Забастовали младенцы, кричатъ — долой ромашку!
Порядокъ возстановленъ безъ употребленія оружія.

— Говорятъ военнымъ судамъ скорости не доставало, узловъ дѣлали мало...

— А петель достаточно.

— Слышали, кабинетъ устраиваютъ...

— Уединенныхъ размышлений?

— Нѣтъ, совмѣстныхъ обсуждений.

Въ клиникѣ.

— Куда это спѣшите, на роды?

— Кесарево сѣченіе будетъ.

— Что это, порядокъ развѣ? Дохляя кошки по улицамъ валяются...

Дерникъ. А чѣмъ не порядокъ? Вотъ ежели

безпорядокъ, значить, такъ не кошки станутъ валяться...

На балу.

— Какъ гурія изъ магометова рая!...

— Ну, батенька, нынче и съ Гуріей не рай.

Въ Саратовской аптекѣ.

— Дайте гермогена.

— Гематогена, вы хотите сказать?

— Нувсеравно. Однимъ словомъ, что кровь пьютъ.

Въ музыкальномъ магазинѣ.

Приказчикъ. Вамъ гармонію? съ русскимъ строемъ?

Покупатель. Какая ужъ тамъ гармонія съ русскимъ строемъ...

У кого султанъ, а у насъ махоръ.

МСТИСЛАВЪ.

Рисунок изображает копию с греческой вазы—найденая при раскопках прошлого и, надо действительно удивляться проникновенности тех художников, которые за много столетий уже предвидели: ботфорты, анани отличия, шпору, крахмальные воротнички и другие великия изображения цивилизации. Сначала на ри-

сунке изображены сапоги, звёзды и только; но всёми вёроятямъ время стерло въ этомъ мѣстѣ всякое подобие человеческое; дайте изображена голова какого-то пахала, показывающаго кому-то ность, по всёми вёроятямъ — себя; ниже бубновый тузъ, обшитый кружевами; затѣмъ дерево познания добра и зла и вмѣсто

фрукта на пемъ, какъ чудо природы, арѣтъ барашковая шапка, ниже два кулака и русскія сапоги—символь власти и твердой поступи. Еще даде туловище безъ головы, но въ высокоомъ крахмальномъ воротничкѣ, надо думать, что голова отпидена, но сердце не перестаетъ дѣйствовать, что и видно изъ многозначительно

поднятаго указательнаго пальца — хотя это можетъ быть относится къ двумъ прекраснымъ фуриямъ, несущимъ гирлянду лавровыхъ листьевъ и урну съ ароматами. Ниже химера, которую вѣнчаетъ вѣнкомъ одна изъ двухъ грацій, поддерживающихъ на дутомъ шедесталѣ господина въ котелькѣ и почему-то одѣтаго балери-

ной—готоваго выкинуть втакъ что-нибудь сверхъестественное. Выше спускающаяся куропатка, а затѣмъ господинъ, но уже съ головой, въ совершенно непонятной позѣ (идиотъ навѣрно). За нимъ засыхающее дерево плодородія, потомъ волшебный стрѣлокъ, у котораго лань, какъ символъ невнимности и чистоты, съѣдаетъ фи-

говый листъ и тѣмъ обнажаетъ его; даде какія-то темныя личности и сверкающе кулаки надрыдаются надъ сайдами, убѣгающими отъ отравленныхъ стрѣлъ волшебника. Въ концѣ ужасная хара, со свиткомъ, видимо очень довольная всѣмъ происходящимъ торжествомъ.

Душеспасительная картина.

От. I. Брошталтский
забылъ въ горю, объ-
атомъ пламенемъ, ни-
тру, вышитую ему
К. П. Побѣдоносце-
вымъ. (Изъ газетъ).

Ночь. Лампады теплятся...
Миръ и тишина...
Тихимъ—благолѣпиемъ
Горница полна...

У окна за пѣльцами—
Оберъ—прокуроръ,
Впавшій во младенчество
Уже съ давнихъ поръ.
Отъ трудовъ правительства
Тихо онъ почилъ:
Не жалѣлъ измѣнниковъ,
Сожигалъ, душилъ.
Нынѣ рыцарь святости
Душу сталъ спасать:
Бисеромъ по бархату
Митры вышивать...

Шьетъ до поздней ноченьки
И мольбу творить.
О—бокъ съ нимъ монашенка
Въ клубукъ сидитъ...
Старецъ государственный
Мастерить иглой...
Экій мытарь праведникъ,
Съ ангельской душой...
Ночь. Темно. Зѣвается.
Отъ лампадокъ гарь...
Шьетъ его святѣйшество—
Оберъ—пономарь...

Три сокола,

Прежде и теперь.

„Конституція церкви претитъ!
Конституція бредъ несомнѣнный!
Порожденные бѣсовскихъ затѣй...
Еретичество, грѣхъ дерзновенный...
Слышь, Синодъ! Ты посланье составь:
Изложи все отъ строчки до строчки,
Слово божье возьми на прокатъ,
Переставъ запятая и точки...
Понимаешь? Да что объяснять!
Словомъ божимъ не брезгуй лукаво!
Маршь, смиренные слово писаты!
Шагомъ маршь! А Всевышнему—слава!..

И смиренные пишутъ отцы:
„Конституція —бѣсу угодна!
Отслужить панихиды по ней
И о томъ объявить всенародно!“

„Секретарь мой, Тернавцевъ лихой!
Я—начальство, я князь Оболенскій:
Мы совмѣстно должны обсудить:
Не созвать ли соборъ намъ вселенскій?
Позови-ка смиренныхъ отцовъ:
Пусть заморское хвалятъ устройство...
Слово божье возьмутъ на прокатъ.
Это-ль нашимъ отцамъ въ безпойство?!
Конституція—благо души!
Изъ священныхъ преданій примѣромъ
Пусть посланье подкрѣпятъ они...
Ну, маршь-маршь! За работу! Карьеромъ!“

И смиренные пишутъ отцы:
„Конституція—Богу угодна!
И молитвы о благодати сей
Пусть возносятся въ церквахъ всенародно!“

СЕ—ЛЕВЪ

СИЛА ДВОРЛИНОВИЧЪ

Пѣсня о трехъ соколахъ.

Во Черниговъ, во Саратовъ, во Тамбовъ
Выпускали изъ столицы соколовъ.
А тѣ соколы вояки христіанскіе,
А на нихъ мундиры адъютантскіе.
Наказали имъ въ губерніи
Водворить покой примѣрнѣе,
Останавливать изданія,
Угашать всѣ начинанія,
Даже—эхъ вы, незадачные!—
Прекращать питыи кабачныя
Властью свыше полномочены.
Тесаки у нихъ отточены,
Къ ихъ услугамъ вся полиція
И „народная милиція“,
Что толпою непокорною
Прозвалася «сотней черною»...
Адъютанты генеральныя
Происшествія скандальныя
Успокоить отправляются,
Самовластьемъ начинаютъ,
Аксельбантами погонными
И деньжатами прогонными
Веселитесь въ губерніи
Хулиганы мрачно-черніи!
Спи спокойно, Русь великая!
Вдетъ сила, сила дикая!
Этой силы не убавилось.
А порядка не прибавилось...
Во Черниговъ, во Саратовъ, во Тамбовъ
Выпускаютъ изъ столицы соколовъ.
И летятъ они посольники,
Молодцы анти-кармольники...

Благодѣяніе.

— Достали мнѣ мужика?—спросилъ князь.

— Ваше сіятельство, къ одной бабѣ... судомойка такая... пришелъ своякъ, недавно изъ деревни вернулся... мѣста ищеть... Прикажете?

— Ну, да, да! Позовите его ко мнѣ!

Привели мужика.

— Сядьте! Прошу васъ!—сказалъ князь, указывая на стулъ.

Мужикъ долго не хотѣлъ сѣсть, но князь сдѣлалъ такое строгое лицо, что у бѣднаго свояка заурчало въ желудкѣ, и онъ сѣлъ.

— Вы читали новый указъ сенату? Да? Самый новый по крестьянскому вопросу? Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ»? Да?

— Неграмотные мы-съ!

— Жаль! Тамъ говорится о томъ, что смута проникла въ селенія, что вы, крестьяне, чините насилія, своеволія, самоуправства, что властямъ предписано карать и прекращать!

— Такъ точно! Только я въ городѣ давно-съ! Я изъ селенія своего, стало быть, давно ужъ! И никого не каралъ! Не каралъ-съ!

— Нѣтъ! Вы не то! Караетъ власть и за это ее не наказываютъ! Понимаете? Карать можно!

— А я, ваша милость, никого не каралъ!

— Не въ томъ же дѣлѣ! Въ законѣ написано, что насилія и преступления не улучшаютъ вашего положенія...

— Ужъ куда ужъ! Самое настоящее положеніе!

— Ну, да, да! теперь власть нашла нужнымъ уменьшить выкупные платежи! Понимаете, что такое выкупные платежи?

— Такъ точно-съ! Выкупные—это, какъ есть выкупные... на года, значить...

— Вотъ-вотъ! Какой вы сознательный мужикъ!

— Такъ точно-съ! Не пью-съ...

— Такъ теперь приказано выкупные платежи сначала уменьшить, а затѣмъ взиманіе оныхъ вовсе прекратить...

— Понимаемъ-съ! Еще я, ваша милость, мальчикомъ былъ, такъ про то самое писали... Чтобы уменьшить и взиманіе и все прочее...

— Да, да! Тогда писали газетчики, ты смутьяны, эти—нехорошіе люди... А теперь правительство само дошло до этого...

— Смутьяны-съ! Истинно!

— Т. е. кто это?

— Они-съ! Они самые...

— Гм... Да! Вы такъ неясно выражаетесь... Такъ взиманіе будетъ уничтожено. Правительство пребываетъ и уповаешь! Поняли? Помимо сего, крестьянскій поземельный банкъ получаетъ ссуду и будетъ выдавать деньги крестьянамъ... Вы придете въ банкъ, и вамъ дадутъ...

— Выгонять-съ, ваша милость!

— Дадутъ, я вамъ! говорю! Скажите же мнѣ прямо и откровенно: какъ вы относитесь къ такимъ реформамъ? Прямо!

— Оно, ваша милость, все такъ...

— Ну, ну... Не смущайтесь!

— Еще мальчикомъ былъ... Пятнадцать годовъ, поди, тому назадъ все про это сказывали...

— Ну, да! То смутьяны разные, а теперь само правительство! Ну?

— Смутьяны-съ! Истинно это! Смущаютъ все... а стало быть... кобыла пала, жить нечѣмъ, земля у насъ какая! Извѣстно! Вотъ и пошелъ въ городъ!

— Такъ вы не крестьянинъ?

— Крестьянинъ-съ!

— Такъ зачѣмъ-же въ городъ?

— На фабрику... Жить нечѣмъ!

— Такъ вы—соціалъ-демократъ?

— Чего-съ?

— Вы аграрій?

— Не могу знать-съ! Я и такъ на какое мѣсто согласенъ, ежели по дому,

али въ дворники, извозчикомъ тамъ... Все равно-съ...

— Я васъ не понимаю! Но новый законъ! Вы понимаете? Законъ, благодѣтельный для крестьянства! Преупѣяніе! Чего вы на меня уставились? Новое законоположеніе! Зачѣмъ вы встали? Сядьте! Сядьте-же, говорю вамъ? Надо чувствовать благодѣяніе... Ступайте въ деревню и расскажите всѣмъ, что правительство помнитъ о крестьянахъ! Ступайте въ деревню!

— Мнѣ-бы... мѣстечка... жить нечѣмъ...

— Уберите его вонъ отсюда! Унесите его! Откройте всѣ форточки и вентиляціи! Животные! Вотъ и старайся для нихъ! Какъ далеко пошла крамола на Руси!

Мужика выводили подъ руки изъ кабинета князя.

ЗРИТЕЛЬ

Пѣвецъ.

Онъ былъ пѣвцомъ приниженныхъ, маленькихъ людей. Онъ пѣлъ о свѣтломъ будущемъ, и пѣсни его смѣшались съ бряцаньемъ оковъ. Онъ долго пѣлъ... И наконецъ мигъ насталъ! Сброшены оковы, разбиты двери въ темницахъ... Впередъ борьба за отвоеванную свободу. Борьба не на жизнь, а на смерть! Новыхъ гимновъ!...

Но пѣвецъ молчалъ. Его пѣсня была пѣсней рабовъ. И для свободныхъ людей у него не было пѣсенъ звуковъ.

И онъ бѣжалъ, и никогда его больше не видѣли... А свободный взялъ струну изъ разбитой лиры и натянулъ ее на свой лукъ. Мощно задрожала струна и послала по землѣ свой призывъ... И побѣдный кличъ звучалъ:

За свободу! За свободу! Душа пѣвца вернулась и ведетъ насъ! Довольно прежнихъ пѣсенъ! За дѣло! Впередъ, товарищи! За свободу!

И могучіе звуки неслись къ небу и таили въ лазури...

К. ОСТРОЖСКИЙ.

13 ноября 1905 г.

ЗРИТЕЛЬ

Патристическая манифестация в Москве на Калужской улице 9-го декабря 1905 года

Изъ неоконченной баллады.

— Превосходительный министр!
Мой Редигеръ почтенный!
Ты слышишь? Пролетаріатъ—
Рабочій дерзновенный,
Вдругъ выставляетъ лозунгъ свой:
«Судь полевой долой!
Долой!»

А а-то какже? Мнѣ куда-жъ?
Я—ставленникъ твой вѣрный,
Мной Треповъ даже дорожилъ,
Я былъ палачъ примѣрный;
И вдругъ... Ты слышишь лозунгъ злой:
«Казнь смертную долой!
Долой!»

Мой господинъ, глава, министр!
Я—Павловъ твой послушный!
Военный главный прокуроръ,
Слѣпой, глухой, бездушный!
На все готовъ... Чу! звукъ глухой:
«Восстановить власть долой!
Долой!»

О, приеми! О, повели
Безъ лишнихъ разговоровъ!
Не мало судей у меня,
Довольно прокуроровъ!
Я выставляю лозунгъ свой:
«Работать всѣхъ долой!
Долой!»

Что слышу я? Ужель нельзя?
Нельзя всѣхъ перевѣшать?
О, если такъ, тогда хочу
За все себя утѣшить:
Меня подъ судъ и подъ разстрѣлъ,
Своей я крови захотѣлъ,
Я крови жажду! крови...
*Павлову даютъ 10 тысячъ на ремонтъ
казенной квартиры и онъ успокаивается).*
ЛЮТЕРАНИНЪ.

На ходу.

Иностранцы до сихъ поръ говорили:
„поскоблите русскаго—окажется та-
таринъ“; а теперь мы ужъ сами ска-
жемъ: „раздѣньте черносотенца—ока-
жется городской либо жандармскій
офицеръ“.

Вопросы и отвѣты.

— Что такое: булыга?
— По словарю Даля: дубина.

— Въ чемъ писатель долженъ
полагать высочайшую для себя на-
граду?

— Въ томъ, чтобы о каждомъ его
сочиненіи читатель могъ сказать: про-
челъ съ удовольствіемъ!

— Заслуживаетъ ли довѣрія наше
новое правительство?

— Чѣмъ же оно хуже стараго!
САМОДУМЪ.

Родственники.

„Братцы забастовщики!
Станьте на работушку!
Бросьте смуту лютую,
Пожалѣйте дѣтушекъ!
Братцы! прочь совѣтчиковъ!
Министерство новое
Вамъ приуготованно:
Отношенья правыя
Между вами, братцами,
И межъ фабрикантами
Министерствомъ вводятся...
Дайте, братцы, времячко,
Долго—ли, коротко—ли,
Сдѣлаемъ возможное!
Слушайте совѣтчика,
Къ вамъ расположеннаго
И добра хотящаго
Братца вамъ родимаго,—
Графа Витте славнаго!“

Тотчасъ по прочтеніи
Словъ такихъ внуши-
тельныхъ

Трубы всѣ фабричныя
Въ одинъ голосъ грянули:
„Хо-хо-хо хохонюшки!
Невъ родствѣ мы съ
графами!“

Грянули и смолкнули.
Только эхо звонкое
Этотъ хохотъ каменный
Разнесло по фабрикамъ...
И повсюду носится
Хохотъ оглушительный,
Хохотъ забастовочный:
„Хо-хо-хо-хохонюшки!“

Потерянная честь.

Нѣкій военачальникъ потерялъ свою
честь и пошелъ ее разыскивать.

По дорогѣ онъ встрѣтилъ своего
подчиненнаго, но этотъ послѣдній
шелъ, углубленный въ свои мысли, и
не замѣтилъ своего начальника.

— Почему ты не отдаешь мнѣ
честь?—закричалъ на него военачальникъ и ударилъ его по головѣ.

Услыхавъ это, сбѣжался народъ и
сказалъ военачальнику:

— Если ты потерялъ честь свою,
то не ищи ея у твоего подчиненнаго.
ХРЪНЪ.

Акулина и кондукторъ.

Посвящается Россійскимъ Акулинамъ.

Въ углу сидѣла Акулина
Ждала.
Какъ вдругъ застучала машина
Пошла...
Какъ спохватилась наша баба
«Ахти!»
Али спросить мнѣ кондуктора
Пойти...
Туда-ли сѣла ненарокомъ?!
Бѣда!..
Вишь, дура баба спохватилась
Когда...
Идетъ машина полнымъ ходомъ—
Гляди!
Теперь попробуй-ка, разиня,
Сойди!
Ужъ, видно, надо покориться
Судьбѣ...
Сидѣть бы дома, Акулина,
Тебѣ!..
А.

Къ авторамъ.

Получаемыя нами рукописи почти
всегда неудовлетворительны по вѣщ-
ности. Ихъ надо вновь переписывать
на пишущей машинѣ и только
послѣ этого сдавать въ наборъ. Все
это отнимаетъ и трудъ, и время. По-
этому мы настойчиво просимъ забо-
титься о вѣщности рукописей и
писать ихъ разборчиво.

Просимъ также имѣть въ виду, что
авторы не должны откликаться на те-
мы, такъ или иначе затронутыя нами.
Такія вещи помѣщаться не будутъ.

Редакторъ-издатель Ю. К. Арцыбушевъ.

З Р И Т Е Л Ь

Подписная цѣна съ № 17 до 1-го Января 1906 г. **ОДИНЪ рубль** съ доставкой и пересылкой.

На 1906-й годъ съ пересылкой и доставкой **ТРИ** рубля.

„Зритель“ будетъ выходить отъ одного до двухъ разъ въ недѣлю размѣромъ отъ 8 до 16 страницъ. Количество рисунковъ будетъ увеличено Цѣна остается та же.

Рукописи доставляемыя въ редакцію, ни въ какомъ случаѣ **НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ**. Письменные отвѣты для редакціи **НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫ**. Приемъ по дѣламъ редакціи **ЕЖЕДНЕВНО** отъ 6 до 7 час. вечера.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., домъ № 13. Телефонъ № 238—62.

Издатели: Ю. К. АРЦЫБУШЕВЪ, Г. Е. ГИНЦЪ, И. Я. КАГАНЪ, Н. И. ФАЛЪЕВЪ.

Типографія Я. БАЛЯНСКАГО. Спб., Забалканскій пр., 13.